

А.А.Ухтомский

О ЦЕРКОВНОМ ПЕНИИ

*Музыкальным органом согласующим
и людям безчисленным поклоняющимся образу в Дебре
три отроцы неповинувшися,
Господа воспеваху и славословляху во вся веки.*

Ирмос 8-го гласа

I

При петербургском единоверческом братстве устраивается понемногу хор любителей древнего церковного пения. Нельзя не приветствовать этого начинания. Церковное пение на Руси находится в упадке; по-видимому, самый вкус к нему в большинстве современных русских приходов утрачен: ведь если бы он не был утрачен, не могли бы получить распространения в храмах, не могли бы сойти у нас за «церковное искусство» те глубоко чуждые духу церковной службы «пьесы», что написаны досужими музыкантами на слова «Милость мира», Херувимской песни, молитвы Господней или псалмов и имеют к церковному искусству только то отношение, что написаны на церковные слова. Не могла бы удержаться там, с другой стороны, и небрежная, шаблонная «частушка», в которую обратились стихиры и ирмосы в недоуменном исполнении большинства современных клиросов.

До боли иногда бывает тяжело, когда войдешь в наш православный русский храм и увидишь, что делают с ним и с церковной службой в нем непонимание, небрежение или ревность не по разуму. Что вы увидите в большинстве русских храмов? Прекрасные, подчас истинно-вдохновенные, древние иконы перенесены па заднюю стену храма, вынесены в притвор: их заставили «потесниться», чтобы дать место в иконостасе и в наиболее видных частях храма ничтожным в церковно-художественном отношении, ничего не говорящим религиозному чувству, зато ярко цветистым и раззолоченным, так называемым, «живописным» образам, которые, по убеждению опытных строителей и старост, более удовлетворяют требованиям теперешнего «благородного» вкуса. И в какой-то тайной связи с этим изгнанием настоящей иконописи, великие по церковно-философскому и художественному содержанию памятники древней церковной поэзии и вокального искусства — стихиры и каноны — кое-как бормочутся на левых клиросах, а то и вовсе изъемяются из местной богослужебной практики: их тоже заставляют «потесниться», чтобы дать время «правому клиросу» исполнить какие-нибудь затруднительные рулады, рассчитанные, опять-таки на «благородный вкус чистой публики».

Давно, очень давно началось это искажение церковного вкуса в нашем народе. Когда спрашиваешь себя, откуда же оно началось, какие силы внесли эту разруху в церковное искусство, — встают поблекшие образы добрых старинных господ в буклях и робронах: кажется, что это они, научившись благородному вкусу у французских танцмейстеров, положили начало в своих домашних церквах, в городах и поместьях, облагороженно-сокращенной редакции богослужебного чина с оперными эффектами в пении и миловидными пасторальями вместо икон. Потом следуют преданные лакеи добрых господ, более или менее искренне уверовавшие в возвышенность господского вкуса и принявшие разносить по родным палестинам убеждение, что прежнее безыскусственное, но тщательное соблюдение церковного чина есть грубость, необразованность: надо-де сделать все по-благородному — так, как заведено у хороших господ. Впрочем, много и других сил, мало ведавших, что творили, повинно в нашей разрухе. Еще старец Александр Мезенец, знаменитый головщик Саввина Звенигородского монастыря, в конце XVII века жаловался, что некоторые из его современников, руководимые «круподушеством и

невежеством», стали пренебрегать строгим исполнением знаменного пения в храмах. Мы, однако, не будем здесь вспоминать и изыскивать виновников упадка церковного искусства, не будем плодить в душе горького чувства бесполезного укора отошедшим людям.

Для нас важно то, что своеобразная красота настоящего церковного чина и вкус к нему все-таки не исчезли на Руси бесследно и еще донесены до наших дней: донесено до нас то зерно, из которого может развиваться настоящее церковное искусство в наших храмах. С теплою благодарностью вспоминаются в этом отношении старцы некоторых наших монастырей, старавшиеся сохранить и возобновить на своих клиросах упдающий знаменный и столповой распев, — например, старцы Валаама, старцы Оптиной пустыни с приснопамятным своим устройтелем Моисеем, старцы Гефсиманского скита у Троицы Сергия. С благодарностью должны быть помянуты владыки, охранявшие красоту церковного чина своею владычнею властью, как митрополиты Филарет и Сергей московские. Наконец, до земли должен поклониться русский человек нашим старообрядцам, благоговейно сохранившим сокровищницу церковного чина и знаменного распева от варварских нашествий, которым они подвергались.

Правда, эти благодетельные силы, сохраняя церковный чин в отдельных местах России, не были сильны противостать господствующему настроению, которое продолжало и еще продолжает насаждать в храмах небрежение собственно к богослужению и чрезвычайное усердие к эффектам quasi-церковного искусства. Но вот, кажется, мы доживаем до более благоприятных веяний во вкусах общества. Общество начинает чувствовать, что красивенькие «живописные» образа почему-то никак не могут передать глубины церковных идей, хотя бы так, как это, несомненно, удавалось древним изографам. Это громадный талант Васнецова приоткрыл глаза широких кругов нашего общества на глубину древнего иконописного художества. Точно также общество начинает чувствовать, что между духом церковного чина и тою концертною музыкою, которую легкомысленно вносили на клирос, есть какой-то коренной, изначальный диссонанс. Во всяком случае, в самых различных кругах нашего общества можно встретить теперь воскресающий интерес к знаменному пению, к красоте уставной церковной службы.

Учреждая хор любителей знаменного пения, единоверческое братство хочет вложить свою посильную лепту в дело оздоровления вкуса к церковному искусству на Руси, хочет пойти навстречу просыпающемуся в русском обществе интересу к древнему «разумному пению Богу». И вот теперь же, в начале этого братского предприятия, своевременно отдать себе отчет в том, как следует повести дело, чтобы оно пошло к своей доброй цели, и где те ложные пути и подводные камни, которые когда-то встретились на пути церковного искусства в русских храмах и привели постепенно к скорбному упадку церковной службы и пения. Не стоят ли еще эти подводные камни и теперь на пути братского начинания? Пишущий эти строки считает нравственною обязанностью высказаться в этом отношении, — тем более, что единоверческое братство оказало ему высокую честь, сделав своим членом.

II

Искусство призвано передавать, внушать людям те или иные чувства, настроения воли, идеи — в тех случаях, когда простая логическая речь не может передать и внушить их с достаточной силой и яркостью. Великая сила и могущество искусства — во внушении, в незаметном овладении человеком.

Мы называем военным то искусство, которое внушает людям боевое настроение, ободряет их в бою (марши, военные песни). Искусство называется национальным, когда оно хорошо передает основные настроения воли и основные идеи, которыми живет нация (былины, народные песни, музыка Римского-Корсакова). Искусство называют

декадентским, когда оно достаточно характерно передает изломанные настроения современного болеющего интеллигента. Есть так называемое «искусство для искусства», призванное передавать людям ощущение красоты, в чем бы она ни выражалась, и независимо от нравственного содержания волевых настроений и идей, в которых она в данный момент может ощущаться; при полном, принципиальном безразличии к нравственно-волевому значению своих образов, этого рода искусство производит в людях «вляяние» воли из настроения в настроение и, в конце концов, при продолжительном навыке, создает настроение безвольного, эвдемонистического, смакующего переживания ощущений. Таким образом, со стороны своего окончательного влияния на людей, «искусство для искусства» является искусством безвольных переживаний ощущения красоты. Наконец, церковное искусство — это то, которое внушает людям волевые настроения и идеи церкви Христовой, то есть продолжает и внедряет в человеческую душу церковную проповедь истинной жизни. Очевидно, что прямые задачи церковного искусства огромны: оно призвано содействовать постепенному «облечению во Христа» человечества, крестившегося в Него, но не успевшего усвоить вполне, во все свое существо, Его образ и Дух. Мне не нужно было бы церковного искусства и его внушающей, воспитывающей силы, не нужно было бы девяти песней канона с их художественным изображением библейской истории от Моисея до Матери Божией, не нужно было бы великой стихире Кассианы-инокини о «во многие грехи впадшей жене, ощутившей божество Христово и взявшей мирносицы чин», не нужно было бы художества Страстной седмицы и самой литургии, если бы я раз навсегда усвоил Дух Христов не только умом, но и всем существом, если бы я, отягченный инертностью своей природы, не возобновлял в своем воспоминании Образа Христова только тогда, когда слышал канон, стихире Кассианы и когда участвовал в литургии. Очевидно также, что название «церковное искусство» довольно точно определяет то, что может быть названо этим именем. По самому существу своему, по самому названию, это искусство — не Дамаскина и не Андрея Рублева, не Рафаэля, не Иосифа песнописца и не Бортнянского, это проповедь — «не Павла и не Аполлоса», вообще не отдельного творца, но искусство и проповедь Церкви. Поэтому там, где художник проповедует «во свое имя», ставит центр тяжести на своем понимании того или другого церковного образа, на своем исполнении того или иного песнопения, это не есть еще «церковное» искусство.

Художество Рублева, Рафаэля, Васнецова или Архангельского только настолько церковно, насколько выражает и внушает общее церковное понимание тех образов и идей, над которыми они работали. Болезненная женщина с рахитическим ребенком на руках, изображающая Матерь Божию в личном понимании г. Врубеля, очевидно, не есть церковное искусство, хотя картина и написана на «церковную тему»: это — по праву искусство декадентское, ибо передает в яркой форме только изломанное настроение больного интеллигента. Точно также прекрасная музыка г. Бортнянского различных номеров «Херувимской песни» не есть церковное искусство, ибо и не стремится углубить мысль предстоящих в церковную идею того литургийного момента, в который поется эта песнь, а имеет в виду передать ощущение красот, которыми когда-то наслаждался сам автор; стало быть, это по праву «искусство для искусства», чисто оперная музыка, несмотря на то, что написана на слова церковной песни. Романс, распеваемый военными людьми и по чьему-нибудь капризу написанный на слова военной песни, не делается от того военным искусством.

Надо запомнить ту ясную для простецов и забываемую мудрецами правду, что церковная служба сама по себе есть церковное искусство, и церковное искусство есть церковная служба. Это так было исторически (генетически), так и есть по существу. Церковное искусство только тогда заслуживает этого имени, когда оно есть сама церковная служба, — когда оно всецело и без исключения служит углублению внимания в идеи Церкви. Триод, пентакостарий, минеи являются неисчерпаемой сокровищницей

церковного искусства. Уставный церковный чин со сходами на середине храма для пения наиболее важных песней, с постепенным развитием идеи праздника от стихир на «Господи воззвах» до хвалитных есть наилучший, глубоко продуманный художественный план исполнения триодипентакостария и миней и дело великого церковного искусства. Знаменное пение органически связано с уставным церковным чином и только с ним: оно никогда не пело «на земли чуждей» и поет своему Богу, дондеже есть; и оно есть также великий образец церковного искусства. Знаменное пение — верный друг Церкви.

Не так уж трудно отличить настоящее церковное искусство от чуждых примесей. А от чуждых примесей в искусстве надо настоятельно оберегать храм, потому что то, что исходит из лагеря «искусства для искусства», то, что «в мягкия ризы одеяно», служит богу иному, поет на земли чуждей: и когда оно талантливо, оно уносит внимание и душу людей далеко от церковной службы, от идей церкви.

Практически в отношении пения надо помнить всегда, что церковное пение есть пение в церкви. Если бы певцы и их руководители¹ всегда памятовали это простое правило, готовясь к клиросу и становясь на клирос, если бы они не забывали, где они и кому они поют, это оберегло бы их от стремления к неуместным и чуждым для церкви эффектам; тогда, я думаю, именно они были бы нарочитыми любителями и охранителями церковного чина. Между тем, забвение этого простого правила со стороны певцов и их руководителей приводит к тому, что эти люди начинают чувствовать себя на клиросе, как на концертной эстраде, предоставляя только своим слушателям и священнику оставаться богомольцами. С этого момента и начинается певческое вожделение внести в храм «искусство для искусства». А когда этот принцип уже внесен, хотя бы в виду одного вожделения, беда уже наступила. «Искусство для искусства», раз начавшись в храме, разрушит церковный чин, изгонит церковное искусство.

Если вы поинтересуетесь увидеть, до каких извращений церковного искусства может дойти тут дело, сходите в собор Александро-Невской лавры на обедню в день памяти Чайковского и посмотрите, что там делается: певцы распевают свой концерт на удивление публике; соответствующая публика, — разодетая театральная толпа, с лорнетами, — сидит на расставленных рядами стульях, очевидно, ощущая себя, как дома, «как в партере», и благоговейно молчит, пока концертанты поют, но начинает шумливо делиться впечатлениями и нетерпеливо кашлять, когда пение прекратится и происходит чтение Евангелия или Великий Выход. Это, очевидно, — «антракт». И только бедный служащий батюшка да пораженные происходящим пришельцы «из простых» продолжают считать себя по-старому богомольцами.

Певцы и публика служат здесь «искусству для искусства», Богу «святого искусства». И никому из них не приходит уже в голову, что Чайковский, глубокий и тонкий любитель истового церковного чина, поворачивается в гробу от этого поругания церковного искусства во имя, якобы, его — Чайковского — памяти!

Невольно вспоминаются суровые слова Эдуарда фон Гартманна: «Характерно для времен неудержимого упадка той или иной определенной религии, что именно в них, как никогда более, процветают религиозные упражнения в искусстве и религиозное воздвигание искусства, тогда как уже угасла творческая способность к созданию религиозных образцов, исполненных безыскусственной высоты и действительной глубины и проникнутых невозмутимым упованием и непоколебимую силою веры. Никогда, например, более ревностно и с большим рвением не воздвигалась классическая музыка в церкви, как в наше нецерковное время и именно в нецерковных слоях, пропитанных неверием... Это — признак расслабления и паралича; одним словом, это — признак

¹ Я предполагаю верующих певцов и руководителей, потому что неверующий церковный певец, как и неверующий иконописец, есть художественный nonsens.

упадка, когда религия перерождается в эстетическое религиозное чувство или, еще хуже, разменивается в религиозные упражнения в искусстве»².

Тут нет ничего неожиданного, что принцип «искусство для искусства», внесенный в храм, должен рано или поздно разрушить церковное искусство. Что общего у мятущегося из настроения в настроение сладкого смакования ощущений с тем настроением крепкой, мужественной, определенной воли, которое проповедуется церковью и церковным искусством? В той душе и в том обществе, где допущены к сожительству рядом эпикурейство и христианство, эпикурейство рано или поздно, несомненно, займет все поле деятельности. Наука усматривает в том закон жизни, что признак, составляющий последнее слово в развитии, есть, в то же время, и наименее прочное место в организме: на нем скорее всего сказывается остановка в развитии. При начале прогрессивного паралича высшая духовная жизнь и здравие воли нарушаются прежде всего, тогда как привычный мир чувствований и ощущений живет еще долго. Чем выше вещь, тем труднее она усваивается и тем легче теряется. Ничего нет легче, как утратить свет разумной воли и погрузиться в мятущуюся мглу ощущений.

III

Вот от этой первой страсти «искусства для искусства» да сохранит Бог наших начинающих певцов-любителей! Дай Бог, чтобы они помнили всегда, что церковь и братство видят в них прежде всего богомольцев — любителей церковного чина, исполнителей церковного искусства, а не чужих концертантов, «чешущих слух»³.

Если это будет так, то наши певцы действительно послужат усугублению церковного благолепия, и никогда не явится у них искушения, ради технических музыкальных интересов, вредить церковному искусству, урезывать что-нибудь из церковного чина. Опять-таки, ведь принцип «искусство для искусства» сделал в наших русских храмах то, что, истратив время на задавание тонов и на «музыкальски-органное» исполнение какой-нибудь пьесы, певцы отняли это время от благоговейного исполнения стихир и канонов. Начав с малого, дошли до большого: сначала приучили понемногу богомольцев к выпускам из уставного чина, — стали исполнять канон на 6, когда его надо исполнять на 12; выкинули потом каноны вторых творцов и перестали петь хвалитные стихир⁴, канон же стали исполнять всегда на 3 и на 2; а потом вообще решили оставить только ектении и 2-3 самых необходимых песнопения, которые хорошо разучены нашими концертантами, предоставив псаломщику на левом клиросе наскоро пробормотать ирмосы один за другим; и, в конце концов, сами стали удивляться, отчего это служба в «облагороженной» редакции стала такой скучной, безжизненной, мертвенно однообразной!

Итак, пусть помнят певцы-любители, что церковь и братство вручают им соблюдение своего сокровища — церковного чина, пусть помнят, что они — служители церковного

² (Die Religion des Geistes. По изданию: Н. Хааске: E. V. Hartmann's Ausgewählte Werke, 2 Aufl. Lpz. Bd. VI. Religionsphilosophie, Ss. 38-39).

³ *Будет бо время, егда здраваго учения не послушают, но по своих похотех изберут себе учителя, чешем слухом* (2 Тим. 4, 3).

⁴ Не характерно ли, что певцы выпускают чаще всего и повсюду именно хвалитные стихир, наиболее яркие и сильные, так сказать, заканчивающие изображение праздника? Певцы, со своим «искусством для искусства», ко времени пения хвалитных окончательно утомляются, и их не хватает именно на конец венчающий Всенощное бдение. Народная мудрость говорит, что «конец венчает дело», и если конец церковной службы в исполнении наших концертантов так печален, если концертанты оказываются «неуправленными» для исполнения конца, то это само по себе говорит, что дело у них с самого начала было поставлено неладно, что с самого начала их внимание было «обращено семо и овамо», но не на церковное дело.

искусства и делают общерусское дело для очень многих русских людей, служа его полному и благолепному исполнению.

Если будут певцы помнить это, то остерегутся от нарушения церковного чина даже и в малом, потому что многое, казавшееся когда-то малым в церковном порядке, для более внимательного взгляда оказывалось очень важным. До земли кланяемся нашим любителям, кланяемся от лица не только единоверцев, но очень многих русских людей, чтобы они не опускали сходов на средину храма, когда они положены в уставе, и не забирались на хоры, ставя себя в исключительное, так сказать, эстрадное положение пред всеми богомольцами. Русский храм издревле привык иметь клиросы на виду, впереди предстоящих. Залезание певцов на хоры сразу же нарушает стройность антифонного пения в храме, делает его однобоким и склоняется к разделению между «аристократическим» хором собственно певчих и демократическим «левым клиросом», которому в будущем предназначено исполнять кое-как те стихиры и ирмосы, на которые «не изволят» аристократы на эстраде. Еще раз скажем: да не будет вреда церковному искусству из-за мишуры временных технически-музыкальных интересов!

Я позволяю себе сделать эти указания потому, что хор любителей вот уже год стал выступать в качестве активного участника богослужения в Никольском храме (на Николаевской), и с этого момента он должен относиться к своему делу с особенной осмотрительностью. В начале естественны недосмотры и ошибки. Необходимо сначала же и оберечься от них.

От участия певцов-любителей в храме благолепие церковного служения, его идейное исполнение должны выиграть. Это так и будет, если любители будут правильно понимать и исполнять свое дело. Но дело решительно и, может быть, непоправимо проиграет, — пойдет по старому, испытанному на Руси, пути упадка, — если, со вступлением наших любителей в храм, начнется хотя бы малое небрежение к исполнению церковного чина. А я не могу не сказать, что во храме повеяло старым, давно знакомым духом разрушения, когда наши любители, едва научившись петь во храме, стали выпускать певчие стихи из начального псалма на вечерне: «Благослови, душе моя, Господа», сочли ниже себя пение «Слава и ныне» в этом псалме и в «Блажен муж»... С удалением на хоры и с выключением сходов для пения догматиков, стихир литийных, стиховных и хвалитных, любители лишают исполнение этих песней той радостной, внушающей силы, которая связана с ними в уставном чине. Музыкально-жеманное исполнение на хорах таких стихир, как «Днесь Христос в Вифлееме рождается» или «Днесь Христос на Иордан прииде», делает их совершенно бесцветными, не передавая и в половину их яркости в хотя бы простом, безыскусственном исполнении на сходе. Катавасии также пропадают при исполнении на хорах. Должно быть, именно так лишив церковную службу ее естественных цветов, люди начинали потом приискивать, как бы оживить ее чуждыми концертными блестками!

Сходы прекращены в тех русских храмах, где аристократический правый клирос со своими руладами не может смешиваться с демократическим левым, поющим обиход или вьевшуюся в обычай «частушку». Этого затруднения не должно быть при знаменном пении на обоих клиросах, и, следовательно, нет оправдания для пренебрежения сходами, искажающего церковный чин. Никакие чисто музыкальные эффекты, вроде прошлогоднего неожиданного альтового соло: «возьмите врата, возьмите» в эксапостиларии Вознесения Господня, не исправят того, что нарушено сколько-нибудь небрежным отношением к уставному церковному чину.

Справедливость требует сказать, что в настоящем году любители все-таки сделали большой успех: на Пасху они решились сойти с хор, а на неделю о расслабленном в первый раз встали на клирос и участвовали в сходах, в общем пении стихир. Служба от этого, несомненно, выиграла. И дай Бог, чтобы это было началом тщательному и благолепному, простому и безыскусственному, разумному служению братского хора

великому церковному искусству, далеко от чуждых путей «искусства для искусства», которое в отношении церковного искусства является вредным паразитом.

IV

Слышу я два недоразумения, которые, к сожалению, возникли у руководителей братского хора в защиту какой-то особенной, собственно музыкальной его миссии в единоверческом храме. Первое недоразумение практического свойства состоит в том, что именно чисто музыкальный, концертный хор может привлечь современную публику в храм, тогда как одно тщательное исполнение устава не может быть теперь популярно: значит, братскому хору необходимо обмузыкалить церковную службу, чтобы она стала популярною у современной публики. Второе недоразумение более теоретического свойства: нельзя, говорят, стоять на старом исполнении церковного устава, необходим прогресс, нужно развитие более высокого эстетического вкуса; братскому хору предстоит внести эту новую, прогрессивную струю в единоверческий храм.

Первое недоразумение не может иметь места, если люди достаточно ясно поймут то глубокое, существенное различие, которое лежит между путями церковного искусства и интересами тех, кто ищет привлечь к Церкви путями, чуждыми ей, «не имеющими в ней ничесоже». И когда начинается это привлечение посетителей в церковь оперным искусством, церковь действительно становится популярной, но ценою того, что она делается театром, оперой и перестает быть для людей церковью, — а посетители делаются «публикой» и перестают быть богомольцами. Спросите же себя: ценна ли эта замена немногих благоговейных богомольцев во храме многочисленной музыкальной публикой, индифферентной по своим интересам к жизни церкви и к ее искусству? Ведь она, эта публика, пойдет к вам уже не за церковным искусством, а за красивыми ощущениями!

А что если сама эта публика в трудный день жизни придет к вам уже за настоящим церковным искусством и, не найдя у вас ничего, кроме красивых ощущений, сама же вас и проклянет? Не будет ли все это грубым, жестоковым грехом вашим против церковного искусства?

Вспоминаются мне в этом отношении замечательные письма Чайковского о киевском братском хоре, писанные к покойному ректору киевской духовной академии владыке Сильвестру и хранящиеся у владыки Арсения Псковского. Когда-то владыка Арсений читал их нам, студентам московской духовной академии, предостерегая от ложного понимания «хорошего вкуса» на клиросе. К сожалению, эти письма не могут еще быть опубликованы, потому что автор касается некоторых личностей. Великий музыкант убеждает в них хранить сокровищницу церковного искусства от вторжения чуждой оперной стихии, вносимой туда кичливым непониманием. По словам автора, он не может войти на так называемые «торжественные» богослужения в петербургских храмах, не оскорбляясь своим художественным чутьем за церковное искусство. Современное торжественное богослужение рассчитано не на богомольца, и это сделало то, что на торжественном богослужении в современном храме богомольца и не видно; там царит «публика», влекомая любопытством к тому, как сегодня сойдет концерт, как пропоют соло или как рывкнет октава. Великий автор высказывает глубокое недовольство современным музыкальным творчеством на церковные темы; он далеко не доволен и своею собственной церковной музыкой и горюет о том, что древнее обиходное пение постепенно падает и там, где еще сохранялось, — падает, гонимое невежественными новаторами⁵.

⁵ Чувствуют ли устроители богослужения в Александро-Невской Лавре, какое нехорошее дело в отношении памяти Чайковского они делают, устраивая в день его кончины оперу из его произведений в храме?

Надо думать, Чайковский предостерег бы наш хор от каких бы то ни было посягательств на церковный чин из-за праздного поползновения привлекать в храм побольше публики.

Что касается лепета о прогрессе, то это, сам по себе, признак тревожный: современный русский человек обыкновенно принимается говорить хорошие слова о прогрессе тогда, когда у него не клеятся самые простые и насущные дела дня. Характерно, ведь, что при обширной болтовне о прогрессе дела в нашей современной Руси не прогрессируют, а большею частью постепенно падают! Прогресс — великое дело, одно из тех великих дел в мире, которые не нуждаются в многословии о себе. Это — суд истории над делами людей, полновесны ли они были: солома в наших делах сгорит, а золото очистится, — вот суд истории и дело прогресса, которое совершается, хотим мы его или нет. В тайне и тишине растет дерево; в тайне и неуклонно совершается дело прогресса; в тайне и незаметно начинается тление в том, что носит в себе смерть. Прогресс — дело столь же великое и радостное, как и страшное. И надо еще определить смысл прогресса по содержанию, чтобы судить, обрекается ли им твое дело, в котором ты думаешь быть прогрессивным, на жизнь в истории или на гниение. Кажется, что путь к участию в прогрессе только один: делай в твердости, смирении и правде предлежащие дела твоих дней, каждому из которых довлеет злоба его, — делай их так, чтобы они были золото. Остальное будет зависеть уже не от тебя! Но ясно также, что хотя бы ежечасное биение по воздуху именем «прогресса» не даст тебе участия в нем, если насущные дела упущены и погязли в небрежении. Тут ведь дело того же смысла, что «не всякий, глаголяй ми: Господи, Господи, — внидет в царствие Божие, но творяй волю Отца Моего».

Вот были поколения, которые мало говорили слов о прогрессе и которых мало задевали упреки праздных людей в «непрогрессивности»: они просто хотели исполнять наилучшим образом то, что в глазах их было хорошо и дорого, как будто они носили в себе скрытое убеждение, что истинный-то прогресс приложится, если от сердца делать дело Божие.

И это они создали то, что есть хорошего и прочного в мире и на Руси: вырастили тот дуб духовной культуры, под которым мы укрываемся, — и это они же создали то церковное искусство, до которого нам надо вырасти, чтобы его понять.

Мы, теперешние, придумали гораздо более простое и удобное понимание прогресса: «не отставать от духа времени» стало синонимом прогрессивности и суррогатом участия в прогрессе. Но вот вопрос: что, если «дух-то времени» по самым законам исторического прогресса подлежит смерти и уничтожению? Будет ли тогда делом прогресса служить этому «духу времени»?

Не нужно никакой проницательности, чтобы усмотреть, что принцип: «быть прогрессивным» в смысле: «не отставать от духа времени» — остается принципом формальным и нисколько не ручается, делаем ли мы, подчиняясь ему, дело жизни.

Если современного старообрядца задел, наконец, за живое упрек в «непрогрессивности» и в «отставании от духа времени», то это, конечно, понятно: уж очень долго, назойливо и обидно, кстати и некстати жужжали ему в уши о том всевозможные представители российского прогресса с противураскольничьими миссионерами во главе; но это и жаль, потому что твердого и серьезно преданного делу человека может поколебать только серьезная мысль, а уж никак не празднословие о неведомых вещах. «Прогрессивность», как аргумент для того или иного поступка, — аргумент жалкий и совершенно бессодержательный; кроме того, это — аргумент опасный.

Притчею, обобщающим символом звучит маленькое событие, о котором я сейчас расскажу. В Иосифовом волоколамском монастыре был один настоятель, известный своими попечениями о благолепии обители и старавшийся быть на высоте тех эстетических требований, которые, как ему казалось, предъявляли представители образованного общества, наезжавшие в монастырь. Рассматривая приходо-расходные

книги монастыря, мы нашли в них заметку, что в таком-то году упомянутый настоятель от своего усердия истратил двадцать пять рублей на наем из деревни Валуек живописца, он же и местный маляр, для написания новых ликов на древней местной иконе Св. Троицы в иконостасе монастырского собора. Придя в собор, мы действительно увидели на иконе свеженькие, румяные лики, довольно тщательно исполненные в духе современных образков, продающихся в столичных магазинах в качестве «свадебных»: маляр взял деньги недаром и был не без дарования.

Какое же горе было потом узнать от знающих людей и убедиться по монастырским описям, что исправленная икона принадлежала кисти Рублева и есть единственный дубликат такой же иконы в иконостасе Троицкого собора Сергиевой лавры!

А сколько раз таким же образом в разных углах России стремление быть на высоте требований времени и похвальная прогрессивность доводили до усердия привлекать маляра к исправлению древнего художества!

Отцы, братия и господа! Исповедывать словесно великую идею прогресса нетрудно! Усвоить себе стремление не отставать от вкусов времени — нет ничего легче! Ремесленники искусства, и даже не без дарования, всегда найдутся! Но, ведь, Андрей-то Рублев один, памятников его художества очень мало и их очень легко извести совсем! Из того, что мы их не понимаем, или не понимают их наши современники, не значит, что не придут люди, которые будут их понимать и будут искать, а не найдя их, скажут о вас, мнивших себя прогрессивными: прости им, Господи, ибо они не знали, что делали...

Было бы желательно, чтобы руководители церковных хоров отдавали себе отчет в том, о каком, о чьем прогрессе они хлопчут: если о прогрессе в церковном искусстве, то да, это — насущное и очень важное дело именно в наши дни... Изучайте сокровищницу церковного искусства, потрудитесь лучше передать нам его воспитывающую, внушающую Дух Христов силу. Но если вы говорите о прогрессе во храме «партиеса», о развитии у богомольцев новых чисто эстетических требований, то будьте логичны и поймите, что тут дело идет у вас уже не о прогрессе церковного искусства, как такового, не о прогрессе в смысле усиления внушающей и проповедующей слово Божие силы церковного искусства, а о прогрессе собственно музыкальных требований в нервной системе наших слушателей, о прогрессе проповеди «искусства для искусства», о вербовании новых поклонников эпикурейской оперной стихии!

Храни Бог наш братский хор и всякий церковный хор вообще от популяризирования церкви музыкальными эффектами, от дешевого прогрессивного усердия, от малярных исправлений в сокровищнице церковного искусства!

Придут люди настоящего таланта и вдохновения, которые будут понимать красоту церковного чина и которые поищут его, чтобы черпать из этой сокровищницы «воду живую». С великой благодарностью вспомнится тогда о тех, кто от сердца служил церковному искусству и соблюдал церковный чин до новых времен. Но не будет благодарности тем, кто в своем нечувствии и легкомыслии считали первоначальный источник красоты церковной источником исчерпанным и заваливали его сором забвения.

Обращаясь еще раз к положению церковного искусства вообще на Руси, надо согласиться, что в большинстве православных храмов трудно уже думать о действительном, — истовом и полном, — соблюдении церковного чина, о восстановлении уставной службы и пения. Отвычка от них, привычка нервов публики к внешним эффектам пошли в некоторых слоях так далеко, что строгое, скромное, лишенное внешнего блеска исполнение «труда бденного» было бы, пожалуй, неудобоваримо и, пожалуй, даже оттолкнуло бы от храма некоторых прихожан, — прежде всего, кавалеров и дам с сантиментальным складом религиозного опыта.

Для таких приходов достаточно было бы уже того, чтобы та коротенькая и сокращенная служба, которая там ведется теперь, была исполнена тщательно, с пониманием идеи чинопоследования с возможной художественной цельностью, — без

кричащих дисгармоний с духом службы. Если неизбежно сокращать службу в таких церквях, то было бы разумнее, например, не тратить времени на непредусмотренное в уставе продолжительное распевание по нотам: «Ныне отпускаеши», а употребить это время на исполнение стихир, характеризующих праздник. И уже во всяком случае нужно, чтобы евхаристийный канон и в этих церквях совершался со строгим, чисто церковным пением, ибо в присутствии Господа Славы неприлично предаваться музыкальным наслаждениям.

Необходимо, однако, чтобы на Руси были такие храмы, в которых церковный чин исполнялся бы во всей своей неприкосновенной полноте и где бы мог найти духовный отдых человек, любящий «красоту церковную». Самое естественное было бы, если бы такими храмами были наши первенствующие соборы, как Успенский — московский, Софийский — новгородский, Преображенский — нижегородский, где сами древние стены ждут не дождутся восстановления прошлого благолепия. Там было бы достаточно и средств для того, чтобы привлечь хороших исполнителей церковного чина и обеспечить его благолепное исполнение.

Кроме того, такими храмами естественно являются единоверческие храмы. Их сравнительно очень мало, и тем более надо приложить все силы и старание к тому, чтобы поддержать в этих немногих храмах истовый церковный чин. Слава Богу, не приходится серьезно говорить о неизбежных приспособлениях к слабостям прихожан в единоверческих храмах, где большинство людей по традиции, по родовой привычке — искренние любители церковного чина во всей его цельности, и где не утрачено понимание церковной службы именно как труда, — труда бденного, укрепляющего душу. Если возможны извинения для тех затруднений, которые встречаются при попытках восстановить церковный чин в таких храмах, где он нарушен многими десятилетиями, то нет никакого оправдания для нарушения церковного чина в немногих его убежищах, где он еще удерживается и живет. Как нет оправданий для нарушения церковного чина на Валааме, в Оптиной, в Гефсиманском скиту, так нет оправдания для нарушения церковного чина и в единоверческих храмах. Тот, кто захочет сокращенной и обставленной искусственными эффектами службы, всегда может найти ее во множестве рядовых русских храмов, и, стало быть, из-за случайных интересов такого посетителя нет никаких оснований нарушать чинную службу в немногих единоверческих храмах.

Нарушать церковный чин в единоверческих храмах, якобы во имя интересов церковного искусства, значит глубоко не понимать, что такое церковное искусство, и только лишь продолжать невежественное дело расхищения истинной красоты богослужения. Повторяем: церковное искусство есть сама церковная служба, сам церковный чин; служить церковному искусству значит служить тщательному и разумному исполнению именно церковного чина. Поэтому, нарушать церковный чин во имя церковного искусства — это значит впасть во внутреннее противоречие и вредить делу.

Чтобы быть на высоте своей задачи при устройстве церковного хора, единоверческое братство должно искать в нем «не своих си» и проповедовать его устами не «во свое имя»: ему придется гоняться не за внешними лаврами и напрягать свои силы не для никому не нужного соревнования с существующими церковными хорами и хором Л.И.Морозова в том числе. Предлежит простое и насущное дело: послужить тщательному и любовному исполнению церковного чина, заповеданного отцами. Если братство будет твердо и неуклонно иметь в виду эту прямую задачу своего хора, оно сделает действительное дело любви к церкви и церковному искусству на Руси. Тогда будет честь и слава ему и, прежде всего, главному неутомимому труженику и руководителю хора, уважаемому отцу Григорию Дрибинцеву. Дай Бог, чтобы было так.

1910

Публикуется по изд.: Ухтомский А. Заслуженный собеседник: Этика, религия, наука. Рыбинск, 1997.

Текст подготовлен к публикации М.Ковальковой.